

Л. ВАБА

О ЛАТЫШСКОМ СУПЕРСТРАТЕ В ОДНОМ ИЗ ЮЖНОЭСТОНСКИХ ГОВОРОВ

На севере Латвийской ССР, в нынешнем Гулбенском районе (примерно в 15–30 км от границы Эстонии), а также в Алукснеском районе когда-то говорили на говоре лейву, принадлежащем к диалектам Южной Эстонии. Окруженные со всех сторон латышским населением, люди, говорившие на названном говоре, долгое время оставались двуязычными. Сейчас говор почти полностью вымер. Материал, собранный среди лейву начиная с середины прошлого столетия (первый материал по говору лейву представил в 1850 г. финский исследователь А. И. Шёгрэн¹) до последнего времени, дает возможность проследить различные фазы двуязычия.

О влиянии латышского языка на фонетику и морфологию говора лейву смотрите подробнее в тезисах² пункты 2 и 3 а, б, в. Доклад посвящается главным образом заимствованной лексике, причем подчеркиваются те моменты, которые в первую очередь являются результатом контактного билингвизма всего языкового коллектива.

Уже на основании первых, хотя и скурых описаний говора (названный А. И. Шёгрэн 1850, Ф. И. Вийдемманн 1869³), на всех уровнях языка легко заметить черты, близкие латышскому. Оба исследователя указывали на наличие многочисленных латышских заимствованных слов в говоре. Сохранению говора лейву в прошлом столетии способствовали по крайней мере два обстоятельства: отрезанность от латышей лесами и болотами, а также закон, запрещающий крестьянству право переселения до 1861 года.

Характерно, что двуязычные лейву в процессе речи могли часто переключаться с одного языка на другой. Но это чрезвычайно интересная с точки зрения двуязычия проблема в связи с лейву очень мало исследована.

При изучении заимствований латышского происхождения в говоре лейву следует пользоваться понятием потенциального заимствования, т.е. заимствованное слово употреблялось в речи одного или другого представителя

¹ А. J. Sjögren. Zur Ethnographie Livlands. — „Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des Sciences“, t. VII. St.-Petersbourg, 1850, с. 1–26, 33–45, 49–70.

² Ваба Л. О латышском суперстрате в одном из южноэстонских говоров. — В кн.: III всесоюзная конференция по балтийскому языкознанию 25–27 сентября 1975 г. Тезисы докладов. Вильнюс, 1975, с. 93–94.

³ F. J. Wiedemann. Die Ehsteninseln in den lettischen Kirchspielen Marienburg und Schwaneburg in Livland. Ein Nachtrag zu dem Artikel des verstorbenen Akademikers Sjögren vom 11. Juli 1849 „Zur Ethnographie Livlands“. — „Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg“, t. XIII, 5. St.-Petersbourg, 1869, с. 497–524.

говора, в отличие от усвоенного заимствования, которое как общепринятое вошло в языковую систему. Ряд исследователей рассматриваемого говора (напр.: В. Нийлус, П. Аристэ⁴) указывали на то, что язык в устах одного или другого представителя лейву заметно варьировался как в фонетическом, так и в лексическом плане. Собранный материал недостаточен, чтобы в каждом отдельном случае определить, принадлежит ли слово языковой системе или же является оказионализмом. Но в лексике говора можно выделить ряд смысловых групп, где исконная лексика почти полностью уступила место заимствованной. Полностью забыта своя лексика флоры и фауны, а вместо нее пользуются латышскими названиями деревьев (напр., *guobapou* 'вяз', ср. лтш. *guõba*; *uuššipou* 'ясень', ср. лтш. *uõšš, uõsis*), других растений (напр., *atrad'iniñike* 'фиалка', ср. лтш. *atraitnītes* 'анютины глазки'), зверей (напр., *aapš* 'барсук', ср. лтш. *āpsis, āpšis*; *bebriss* 'бобр', ср. лтш. *bebris*; *kuřm* 'крот', ср. лтш. *kuřmis*; *tsauñ* 'куница', ср. лтш. *caūna*; *oudrass* ~ *oudrõ* ~ *udri* ~ *utr* 'выдра', ср. лтш. *ūdris*), птиц (напр., *eergli* 'орел', ср. лтш. *ērglis*; *kuvařñ* 'галка', ср. лтш. *kuõvārnis*; *lakst'igal* 'соловей', ср. лтш. *lakstīgala*; *stařk* 'анст', ср. лтш. *stařkis*; *žeigur* ~ *žeigur'* 'воробей', ср. лтш. *žīguris*; *ts'ielava* 'трясогузка', ср. лтш. *ciēlava*; *tsiirul'* ~ *tsõirul'* 'жаворонок', ср. лтш. *cīrulis*, диал. *cēiruls*; *tšura* 'ласточка', ср. лтш. *čura*; *uup* ~ *ouup* 'сова', ср. лтш. *ūpis*), рыб (напр., *auslei* 'уклейка', ср. лтш. *aūsleja*²; *lašš* 'лось', ср. лтш. *lasis*; *somm* 'сом', ср. лтш. *sams*; *sopul'* 'голавль', ср. лтш. *sapals, sapulis*). Все без исключения названия месяцев — латышские (напр., *febrals* 'февраль', *marts* 'март', *aprils* 'апрель', *juuñis* ~ *d'uuñis* 'июнь'). Подобное забывание каких-то исконных лексических групп является закономерностью, характерной, видимо, всем малочисленным этническим группам, проходящим процесс смены языка. Эстонский языковед О. Каллас, собиравший материал на эстонских языковых островках, находящихся в иноязычном окружении (среди русских или латышей), в 1903 году написал об окончательно вымершем к сегодняшнему дню языке эстонцев, которые жили в окрестностях Красногородского поселка нынешней Псковской области: „И конные слова, выражающие второстепенные понятия, исчезают в первую очередь. При этом свои названия птиц забываются быстрее чем названия зверей, исконные названия растений уже почти забылись, а раньше всех, кажется, утрачены названия рыб“⁵. Далее Каллас отмечает, что быстрее забываются исконные названия диких зверей и птиц, в то время как исконные названия домашних животных сохранились.

Интересную группу среди лексикальных заимствований составляют контаминативные образования, возникшие в результате скрещивания близких по звуковому оформлению и смыслу своих и латышских слов (напр., *kruhm* 'куст' < эст. *puhm* + лтш. *krūms*; *milgut* 'моргает' < эст. *pilgutama* + лтш. *miguõt(iēs)*; *sleibimadu* 'дождевой червь' < эст. *leibike* + лтш. *sliēka*).

В заимствованной лексике говора наблюдаются некоторые такие латышские слова, которые в языке-источнике по своему происхождению считаются

⁴ V. Niilus. Valimik leivu murdetekste. — „Akadeemilise Emakeele Seltsi Toimetised“, 1937, t. XXXI. Tartu, c. 8; P. Ariste. Eesti-rootsi laensõnad. — „Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis). B. Humaniora“, 1939, t. XLVI, Tartu, c. 8.

⁵ O. Kallas. Kraasna Maarahvas. Helsingis, 1903, c. 32.

прибалтийско-финскими, но в говоре лейву приобрели фонетический и смысловой облик, заставляющий принимать их за латышские заимствования, напр., *piiladžibou* 'рябина' < лтш. *pilādzis* (< лив. *pīlag*, ср. также эст. *pihla-kas*); *puika* 'мальчик' < лтш. *puika*, *pūika* (ср. эст. *poeg*); *pāstitaiz* 'спаситель' < лтш. *pestitājs* (< лив. *pāst* 'спасать, избавлять', ср. также южн.-эст. *pāst-mä*); *reeps* 'ряпушка' < лтш. *repsis*, диал. *rēpšs*, *rēpsis* (< эст. *rääbis*); *rumulōidzōss* 'валяется в воде (напр., о свинье)' < лтш. диал. *rumulētiēs* 'брызгать друг друга водой; валяться в грязи (как свинья)' (< эст. *rumalus* 'глупость, дурость').

При исследовании латышских заимствований в говоре лейву часто встречаются слова немецкого происхождения, которые по своему фонетическому и семантическому критериям, а также на общем фоне рассматриваемого языкового контакта кажутся заимствованными через посредство латышского языка. Такие опосредованные заимствования довольно многочисленны (напр., *aber* ~ *abōr* ~ *aaber* 'но, а' < лтш. *aber* (встречается в старом латышском литературном языке) (< н. *aber*); *aub* 'чепец (головной убор замужней женщины)' < лтш. *aūbe* (< н. *Haube*); *biršt* 'щетка' < лтш. *birste* (< н. *Bürste*); *deel* 'доска' < лтш. *dēlis* (< ср.-ниж.-н. *dēle*); *dviil* 'полотенце' < лтш. *dviēlis* (< ср.-ниж.-н. *dwēle*) и др.). Однако следует отметить, что роль латышского языка как посредника немецких слов не однозначна. Как указано в вышеназванных тезисах (см. пункт 2 а и б), под влиянием латышского языка в говоре лейву наблюдаются, например, звонкие смычные согласные, а также делабиализация звуков *ö* и *ü*. Названные и ряд других чуждых эстонскому языку фонетических явлений, охватывающих всю фонетику и фонологическую систему говора, отражаются как в исконной, так и в заимствованной лексике. Поэтому довольно часто трудно определить, заимствовано то или иное слово (в первую очередь немецкого происхождения) в говор лейву из латышского языка, или это обще(южно)эстонские слова, которые позднее, так сказать, облатышели. Доказательством вышеуказанному могут послужить следующие примеры. Ср. ниж.-н. *hamer* 'молоток' зарегистрировано в двух вариантах: *aamer* и *aamur*. Первый перекликается с общеэстонским словом *haamer*, второе же заимствовано из латышского языка или подверглось фонетическому влиянию латышского (ср. лтш. *āmurs*). Ср. ниж.-н. *benk* 'скамейка' встречается в говоре лейву тоже в двух вариантах *peñk* и *benk*, первый из которых связывается с общеэстонским словом *pink* (в диалектах также *penk*), звонкой звук *b* второго варианта указывает на заимствование или фонетическое влияние со стороны латышского языка (ср. лтш. *beñkis*). Ср. ниж.-н. *bükse* 'брюки' обычно в говоре лейву *bikši*?, которое явно заимствовано от латышей, но как устарелое слово зарегистрировано и *püksi*? ~ *püksi*?. Первый из них близок общеэстонскому *püksid*, второй же содержит уже несвойственный эстонской фонетической системе звук *š*. Это далеко не единственные примеры подобного рода. Аналогичная проблема в связи со словами, заимствованными из немецкого, существует и в ливском языке⁶.

⁶ Аристэ П. Нижненемецкие заимствования в ливском языке. — „Советское финно-угроведение“, 1973, IX, Таллин, с. 177; S. Suhonen. Die jungen lettischen Lehnwörter im Livischen. — „Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia“, 1973, t. 154, Helsinki, с. 70 и сл.

Итак, в условиях длительного билингвизма говор лейву подвергался всестороннему влиянию латышского языка. Интенсивное воздействие влияющего языка создало условия для вытеснения говора, которые в конечном счете привели к вымиранию говора лейву. Постепенное сужение сферы пользования рассматриваемым говором наглядно отражается на лексике говора, потому что, как известно, лексический уровень в наибольшей степени подвержен иноязычному влиянию и хорошо отражает изменения, возникшие в результате иноязычного воздействия.